

Что она могла сделать? Она ведь не знала этого языка! Но Лу Синчжи точно сказал другу что-то другое.

— В тот момент, когда я ступила на территорию уезда Ин, я почувствовала себя неграмотной. Это чувство на самом деле не слишком хорошее.

Будучи лучшей ученицей, она внезапно ощутила незнание чего-либо. Эта разница заставила Цзян Яо почувствовать, как ей сложно, когда она попадает в подобные ситуации. Однако, глядя на Лу Синчжи, ей становилось легче.

— Почему ты умеешь говорить на языке уезда Ин? — спросила Цзян Яо, — Ты учил его в военной школе?

— Да, — ответил Лу Синчжи, — в то время в школе предлагались языковые факультативные занятия. Мне нечего было делать, поэтому я ходил на все уроки.

Уголок рта Цзян Яо слегка дернулся.

— На все прямо ходил? Сколько их было?

— С первого курса по второй, в течение двух лет, с 19:00 до 22:00 каждый день и каждые выходные я изучал языки нескольких стран. У меня хорошая память, поэтому у меня неплохо получалось.

Лу Синчжи не хвастался, а просто рассказывал факты из прошлого. Они с Лу Юйцин изучали английский с юных лет. Их семья была богатой и до того, как он поступил в среднюю школу, родители наняли учителя из-за границы, чтобы учить детей английскому языку. Лу Сяосяо, возможно, не была очень хороша в изучении английского, но все же бегло разговаривала на нем.

Вероятно, это произошло потому, что Лу Синчжи с юных лет начал тренироваться с репетитором. Поэтому ему давались и другие языки.

Курсы по выбору не преподавались углубленно. Таким образом, по прошествии двух лет Лу Синчжи также прошел все факультативные курсы, которые он мог посещать. Языки нескольких стран были довольно сложными для изучения. Однако основные диалоги и слова не были проблемой для Лу Синчжи.

Цзян Яо успокоилась, а затем тихо отсела в сторону, желая держаться подальше от Лу Синчжи, ужасающего своим умом.

— Что ты делаешь? СИДИ нормально!

Лу Синчжи был недоволен, когда увидел, что Цзян Яо отодвинулась от него. Он тихо отругал ее и снова прижал к себе.

— Почему ты села так далеко?

Цзян Яо надула губы. Она не могла сказать, что ее уверенность была подорвана мужем, поэтому она больше не хотела сидеть рядом с ним.

— Дома есть пианино. Он принадлежит тебе или сестре? — сразу спросила Цзян Яо.

Когда она вышла замуж, это пианино использовалось в основном для того, чтобы собирать пыль. Очевидно, родители Лу не умели играть, поэтому инструмент, скорее всего, принадлежал Лу Синчжи или Лу Юйцин.

— Мы с сестрой играли на нем, когда были младше, — сказал Лу Синчжи, — в то время наша семья была не так зажиточна, как сейчас. Мои родители стиснули зубы и купили фортепиано для меня и сестры, чтобы мы могли тренироваться. Я учился два года, а когда мне было девять, я был так нетерпелив, что прогуливал занятия каждый раз, когда дело доходило до уроков игры на фортепиано. Позже сестра была единственной, кто им пользовался.

— Ты все еще умеешь играть сейчас? — глаза Цзян Яо заблестели. — Если это так, ты можешь сыграть мне песню, когда мы в следующий раз вернемся домой!

— Я учился игре лет в девять. Может уже и растерял некоторые навыки.

Лу Синчжи взглянул на Цзян Яо, сделал паузу и добавил:

— В то время я думал, что обучение игре на фортепиано – это девчачье занятие. А мальчики, играющие на пианино все – гомики.

Как только Лу Синчжи это произнес, Хуан Чэнцзин, сидевший перед ним, подавился водой и закашлялся. Лу Синчжи холодно рассмеялся. Это было следствием подслушивания разговора других людей. Особенно пар.